

УДК 271.2-788:050.9
ББК 86.372.24
Д 44

Допущено к распространению Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС Р23-304-0074

СОДЕРЖАНИЕ

Тихо шепчутся высокие березы...

4

Преподобный Серафим Саровский и его опыт соблюдения поста

12

Замечательный случай

20

Забота о Серафимовых сиротах

24

Карта села Дивеева и округи, составленная А. И. Менде

34

«Это ангельское пение», –
о дивеевском хоре говорили паломники начала XX века

40

Александринская монастырская школа

56

Катенька Языкова,
которую любил Николай Александрович Мотовилов

72

Саровские торжества. Июль 1903 года
Записки художницы Варвары Шнейдер

82

Благоукраситель

98

Дивеево – живая история

108

Коми – край холодных ветров и теплых улыбок

114

«Знаешь, Господь так помогал...»

138

Письма дивеевским сестрам

148

Учимся видеть мир

150

«Дивеево осталось со мною навсегда!»

158

Д 44 Дивеевская обитель. Альманах № 3. – Дивеево: Свято-Троицкий
Серафимо-Дивеевский женский монастырь, 2023. – 168 с.

ТИХО ШЕПЧУТСЯ ВЫСОКИЕ БЕРЕЗЫ...

Воспоминания о поездке в Дивеево в 1914 году

Еще не стемнело, когда на предзакатном небе вырисовалась перед нашими взорами высокая белая колокольня Дивеевского монастыря и купола Свято-Троицкого собора.

Въехав в монастырские ворота, возница остановил тарантас перед небольшим зданием монастырской гостиницы, где нас встретила обслуживающая богомольцев монахиня, отвела нам комнату и напоила чаем. Она же предупредила нас, что на другой день литургия в соборе будет в семь часов утра, но что перед этим по здешней традиции, положенной батюшкой Серафимом, полагается обойти с молитвой Канавку, прорытую по его приказанию по тому месту, где «стопочки Божией Матери прошли». И монахиня предложила нас туда завтра сводить. Нужно ли говорить, что ночь прошла почти без сна, в трепетном ожидании этой возможности. На другое утро монахиня постучала в дверь, и я с ней отправилась. Какими словами описать те чувства, которые волновали душу в эти минуты?

Пересекли площадь, вошли в монастырские ворота, прошли перед собором, обогнули его и вступили в тенистую аллею, обсаженную высокими березами. «Вот и Канавка», – сказала послушница и начала перебирать висевшие на руке четочки. Действительно: вдоль аллеи тянется проложенная сбоку эта чудная Серафимова Канавка. «Эта Канавка до небес высока», – говорил отец Серафим. «Это тропа, по которой Сама Царица Небесная прошла, взяв Дивеево и землю эту в Свой удел». «Она, Мать-то Божия, все это место обшла! Вы и землю-то когда роете, не

кидайте так, а к себе же в обитель и складывайте! – говорил он сестрам. – Земля эта вся святая!»

Следуя за послушницей¹, стараясь сосредоточиться, читая «Богородицу», но мысли разбегаются. Вспоминаются слова Достоевского, вложенные в уста хромоножки, которая на вопрос одной старицы: «Богородица что есть, как мнишь?» – отвечает: «Так, – говорит старица, – Богородица – великая мать сыра земля есть, и великая в том для человека заключается радость». Мысли бегут дальше и вызывают в памяти библейский рассказ о сне Иакова в Харране, который увидел: «Вот, лестница стоит на земле, а верх ее касается неба; и вот Ангелы Божии восходят и нисходят по ней. И пробудился Иаков от сна и сказал: истинно Господь присутствует на месте сем, а я не знал! И убоился и сказал: как страшно сие место! Это не иное что, как дом Божий и врата небесные!» Библейский образ лестницы – прообраз Богоматери, верх ее касается неба, и Канавка, по словам отца Серафима, «до небес высока», и земля здесь вся освященная. И поют в душе слова акафиста: «Радуйся, Лестнице небесная, Еюже сниде Бог! Радуйся, Земле обетованная! Радуйся, Невесто Невестная!»

Тихо шепчутся высокие березы над головой и вспоминается, что любил батюшка Серафим сравнивать дивеевских девушек с молодыми березками. Низко пригнет, бывало, рукой березку и скажет: «Вот так и девушки мои головки свои прекло-

¹ Так автор называет сестру то монахиней, то послушницей, подразумевая под этими именами, видимо, ее принадлежность монашеской обители.

Благородные путешественники в XIX веке

няют», а потом отпустит руку: «А так снова возносят их к небу».

И представляется, что эти окружившие Канавку березы являются образом этих святых дивеевских инокинь, вручивших покорно свою судьбу в руки блаженного старца и последовавших по стопам их Пречистой Игумении Пресвятой Богородицы, принявшей их в Свой удел.

По свидетельству сестер, Канавку начал рыть сам отец Серафим, тайно от них, ночью, видя, что они все откладывают ее рыть. Много чудесного связано с этим событием. Перед самым праздником Святой Троицы одна из первых двенадцати сестер была у батюшки Серафима в пустынке, а он ей и говорит: «Гряди, гряди, матушка, скажи девушкам, пусть сегодня начинают Канавку рыть: я был там и сам начал рыть ее!» «Иду я, – повествует монахиня, – и думаю: как же это батюшка-то говорит-то, что был! Должно быть, ночью ходил. Прихожу и рассказать еще не успела, а сестры встречают меня, рассказывают, как на заре видели батюшку, как, обрадовавшись, бросились было к нему, а он и пропал, вдруг стал невидим, а

Святая Канавка. Старинный рисунок

я свое рассказываю им. Мы с канавкой-то все медлили, а тут уж, дивясь такому чуду, уразумели, что сам батюшка назначил этот день, потому сам и начал!»

Другая сестра подтверждает это: «Рано утром чередная, оставшаяся готовить пищу, сестра Марья Ивановна Малышева пошла в погреб и, увидав позади нашей кельи стоящую и горевшую свечу, с испугом разбудила она нас спящих. Мы скоро вышли и пошли вместе к тому месту, где огонь виделся. Подходим ближе да, к величайшей радости нашей, и видим батюшку Серафима; стоит он у горящей свечи с лопаточкой в руках и взмотыживает землю. Вне себя от восторга, думая, что пришел сам батюшка навестить нас, мы с криком все ему бросились в ноги, чтобы принять благословение, но, поднявшись, к удивлению нашему, батюшка стал невидим, и только вскопанная земля подтвердила нам его видение!» А третья свидетельница добавляет: «С аршин

была земля уже на том месте вырыта, поэтому-то и называется это „началом“ Канавки. А лишь только закончили мы копать эту святую, заповедную Канавку, скончался тут же и родимый наш батюшка, точно будто только и ждал он этого».

Когда мы обогнули Канавку, раздался колокольный звон, возвещающий о начале богослужения в соборе. Собор пятиглавый, большой, высокий, светлый. Главный престол – Святой Троицы, южный – в честь «Умиления», северный – преподобного Серафима. Его долго не освящали, ждали прославления преподобного. Стены и иконы расписаны² самими сестрами. Молящихся немного. Пение сестер поражает своей

² Стены Троицкого собора до революции не были расписаны, их украшали большие живописные полотна, написанные на ветхозаветные и новозаветные сюжеты дивеевскими сестрами.

Батюшка Серафим сравнивал дивеевских девушек с молодыми березками

музыкальностью, гармоничностью, уставно-монастырской, но с особыми, как нам потом сказали, дивеевскими распевами. По окончании литургии нас пригласили закусить в трапезную гостиницы. На стол поставили горшок пшенной каши, кувшин с квасом и корзинку с ломтями хлеба. «В гостинице во время трапезы у нас чтение отменяется, – сказала заведующая гостиницей монахиня, – так что вы можете беседовать и нас спрашивать, о чем хотите знать в нашей обители». После молитвы, когда уселись за стол, нам положили в тарелки порцию каши, налили квасу в стаканы, и эта еда показалась нам удивительно вкусной. «Это оттого вам так кажется, – сказала

старшая монахиня, – что все здесь делается за святое послушание, с молитвой».

По бокам старшей рясофорной монахини сидели две послушницы, и мы и присутствующие с нами за трапезой несколько других гостей засыпали их вопросами. Одна из гостей робко спросила, как уловить тот блаженный момент, когда Владычица мимо Канавки проходит, на что старшая монахиня ответила: «Мы должны всегда помнить и верить, что Пресвятая Владычица Богородица непрестанно около нас грешных проходит и святой Покров Ее над нами распростерт, и об этом есть свидетельства, что это видеть удостоились даже люди, не достигшие святости, но по Божьему соизволению».

По окончании трапезы мы принесли вышитую нами пелену к образу «Умиление» Божией Матери и спросили, нельзя ли ее к нему повесить. На ней по голубому атласу было вышито: «Радуйся, Невесто Неневестная». Монахиня сказала одной из послушниц проводить нас в собор, и при нас она прикрепляла пелену к иконе «Всех радостей Радость», как ее назвал отец Серафим и перед которой скончался, стоя на коленях. На иконе не было ризы в то время, написана она была масляными красками на полотне, прикрепленном на дощечку. При нас она была оправлена ризой и окружена сенью, и чтобы к ней приложиться, надо было подняться на ступеньку.

Помолившись перед иконой, мы, по предложению сопровождавшей нас послушницы, начинаем осмотр монастыря. У самого входа в него стоит самая древняя, раньше приходская, церковь во имя Казанской Божией Матери, построенная усердием основательницы первоначальной Дивеевской общины, Агафьи Семеновны Мельгуновой, в монашестве матери Александры.

Казанская церковь села Дивеева. Конец XIX в.

Мы со всех сторон обошли Казанскую церковь, к колокольне которой, с западной стороны, пристроена двухэтажная церковь: верхняя – во имя Рождества Христова, нижняя, под ней подкопанная, с низкими сводами, поддерживаемыми четырьмя столбами, – во имя Рождества Пресвятой Богородицы.

В Казанскую церковь входы с боков, так что в обе церкви можно войти свободно. Церковь во имя Рождества Христова, законченную в 1829 году, отец Серафим настаивал обязательно освятить в праздник Преображения Господня, как бы этим желая испросить для зарождающейся общины преобразующую

Дивеевское монастырское кладбище. Старинный рисунок

Троицкий собор Серафимо-Дивеевского монастыря. 1903 г.

силу Божию и благодать. Нижняя церковь была освящена в 1830 году. Этим было положено начало предпринятого старцем строительства Мельничной общины. На построение этого храма были употреблены, по указанию отца Серафима, деньги, вырученные Михаилом Васильевичем от продажи его имения. Поэтому церковь эта, выстроенная на достояние обнищавшего ради Господа и Его Пречистой Матери, имеет особое значение. С левой стороны этой церкви находится и могила Мантурова с дубовым крестом над нею. С правой стороны Казанской церкви, рядом с могилой матери Александры, находится могила младшей сестры Мантурова Елены Васильевны. По левую сторону могилы матери Александры покоится другая подвижница Дивеевская, избранный сосуд Божий, юная Мария Семеновна Мелюкова, принявшая схиму.

Около Казанской церкви воздвигнут и другой памятник – тоже духовному другу преподобного Серафима, Николаю Александровичу Мотовилову. Многими чудесами запечатлена его жизнь, воспоминания о которых были им записаны, но часть которых была или не расшифрована, или утеряна. На могиле его положена плита, состоящая из нескольких

плит, через расщелины которых пробилась небольшие березки.

Обойдя могилы матери Александры и сподвижников и сподвижниц отца Серафима, зашли мы в обе Рождественские церкви, в которых горели лампы и свечи. Снаружи, по обеим их сторонам, возведена ограда, отделяющая их от Казанской церкви.

Следуя за нашей проводницей и вновь проходя мимо собора и рас-

Тихвинская церковь в Серафимо-Дивеевском монастыре.
Старинная литография

положенной против него трапезной, мы подошли к заповеданному старцем месту, на котором он велел построить двухпоставную мельницу-питательницу и где вместо нее была выстроена Иваном Тихоновичем церковь во имя Тихвинской иконы Божией Матери. Мельница по его приказанию была перенесена в дальнее поле, прежние кельи сестер, стоявшие по приказанию отца Серафима вокруг нее, снесены и заменены другими, а Рождественские церкви закрыты и запечатаны. Тихвинская церковь, небольшая, деревянная, на каменном фундаменте, была выстроена Иваном Тихоновичем на средства, пожертвованные на собор, и освящена в 1850 году. При нас в ней, в память мельницы-питательницы, раздавались богомольцам сухарики.

Идем дальше и подходим к кладбищенскому храму Преображения Господня, маленькому, деревянному. В алтарь его перенесены из Сарова келейка отца Серафима из его дальней пустынки и камень, на ко-

тором он в ней молился днем. В витринах хранятся некоторые вещи отца Серафима: медный крест-распятие, четки, мантия, епитрахиль, скуфейка и другие памятки. Церковь Спаса-Преображения была выстроена в 1855 году, но о построении ее на кладбище, именно во имя Преображения Господня, отец Серафим предсказывал задолго схимонахине Марфе. Праздник Преображения особенно почитал старец и настоял, чтобы в этот день освятили и Рождественскую церковь, около которой расположены могилы ближайших друзей и сподвижников его. Преображающим Фаворским светом освящены могилы покоящихся на кладбище и других праведниц. Тишиной и покоем овевано это место, и особое духовное присутствие старца подчеркивают хранящиеся в церкви-келейке его вещи. Камень, на котором старец молился 1000 ночей, постепенно раскалывался на память богомольцами, когда он находился еще в лесу. Осколки его хранились при нас в этой кладбищенской

церкви. Побывали мы и в небольшом деревянном домике, в который, как в футляр, включена келья отца Серафима из его ближней пустынки в саровском лесу. По окончании его затвора ее поставили ему в двух верстах от монастыря, вблизи от источника, где было ему явление Божией Матери, и куда он стал ходить, когда по болезни ног уже не мог удалиться за пять верст в дальнюю пустынку и таким же путем возвратиться обратно в монастырь. В этой келейке-избушке тоже хранятся некоторые вещи преподобного Серафима, иконы и книги. Во время нашего посещения в ней читалась Псалтирь по усопшим. Кажется, вот закроешь глаза и увидишь его самого. Но тут же чувствуешь свое недостойство, свою греховность, а вместе с тем и умиленную радость.

Приходится покинуть это святое место и двигаться далее. В последний раз проходим это освященное невидимым присутствием отца Серафима пространство, огороженное Канавкой, и вспоминается, как любил старец своих дивеевских девушек, как баловал их и лелеял, веселил и радовал их, рассказывая им, как он в молодости сам был веселым, посылал им цветы, мед и плоды со своего огорода, велел им всем обращаться к нему на «ты». Отношение его к ним было поистине нежно-материнское.

Перед тем как выйти на Канавку, мы зашли еще в монастырскую живописную мастерскую, где молодые монахини были заняты иконописью. Тишина, царившая в мастерской, благоговейно склоненные над работой лица монахинь создавали атмосферу церковного служения, посвященного ими Господу. Иконы Спасителя, Божией Матери «Умиление» и преподобного Серафима были выставлены здесь, и на них присылались заказы со всех концов России. В лавочке при монастырских воротах мы купили иконки, образки-медальки с изображением с одной стороны «Умиления» Божией Матери, а с другой – преподобного Серафима. Всего в монастыре мы не успели осмотреть, так как Дивеевская обитель после пожертвования ей больших участков земли очень обширна. «Это область, а не монастырь», – сказал про нее один посетивший ее епископ. В ней более тридцати каменных корпусов и деревянных строений, хлебная, ризная, свиточная, в которой, по установленной еще при матушке Александре традиции, изготавливаются свитки-рубашки для саровских монахов. Имеется также училище для сирот, богадельня, больница. Есть также пруд и речка, в которых водится рыба, источник, открытый матерью Александрой, десятки десятин пахотной земли и лугов.

Валентина Александровна Зандер

Зандер Валентина Александровна (урожденная Калашникова) – религиозный деятель, духовная писательница, педагог, автор воспоминаний. Дочь протоиерея Александра Калашникова. Родилась в Санкт-Петербурге в 1894 году. В 1913 году окончила Высшие женские курсы в Петербурге. С 1920 года жила в эмиграции, вначале в Турции, затем во Франции. Всю свою жизнь работала с молодежью, будучи со своим мужем философом-богословом Л. А. Зандером в числе основателей и выдающихся деятелей Русского Студенческого Христианского Движения. Была одним из организаторов и секретарем Высших женских богословских курсов при Богословском институте в Париже. Входила в инициативную группу Объединения православных женщин, выступала с докладами на его собраниях. Скончалась в 1989 году в Париже, похоронена на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРАФИМ САРОВСКИЙ И ЕГО ОПЫТ СОБЛЮДЕНИЯ ПОСТА

Среди отечественных подвижников благочестия преподобный Серафим Саровский занимает особенное место. Это стало очевидным еще при жизни великого старца, когда нескончаемый поток людей устремлялся в Саровскую обитель со всех уголков необъятной России в надежде получить его благодатное благословение, обрести утешение, услышать добрый совет и ласковое слово, исцелиться от физических и душевных недугов. Его необычайная приветливость немало способствовала тому, что ему доверяли все свои заветные помыслы. Безграничная любовь батюшки Серафима ко всем нуждающимся в его духовной опеке и помощи находила живой отклик в сердцах верующих самых разных сословий, профессий и возраста.

Среди многих подвигов преподобный Серафим Саровский обратил на себя внимание и необычайной силой воздержания в пище, особенно когда совсем удалялся от мира и жил в многодневном уединении, показав на собственном примере, что молитва и пост являются важными средствами на пути духовного самосовершенствования. Протоиерей Валентин Свенцицкий, рассуждая о том, ценой каких усилий воли давались ему эти подвиги, очень точно и емко заключил, что «вся жизнь преподобного (Серафима Саровского) была не такова, как у всех», что «он постился не как все, что он молился не как все».

Преподобный Серафим Саровский вырос в благочестивой семье, часто посещал храм, достаточно много читал духовной литературы и уже с малых лет проявил стремление к иноческой жизни. Но пре-

жде поступления в монастырь он отправился в паломничество на поклонение святым угодникам в Киев, где и получил благословение поступить в Темниковскую Успенскую Саровскую пустынь, что в Тамбовской губернии. Пребывая здесь на послушании с 1778 года, преподобный Серафим Саровский проявил усердие на разных поприщах и стал готовить себя к будущим подвигам: много молился, спал мало, строго соблюдал посты.

Основанная в конце XVII века иеросхимонахом Иоанном (Поповым) Саровская пустынь представляла собой общежительную обитель, расположенную вдалеке от населенных мест и окруженную густым лесом: «И собираясь таможити монахи постническаго жития в прославление и славословие имене Божия», «пища и питие обща им по потребе всем в трапезе и никто же свое что, или онаго быти каких-либо вещей глаголаше».

Правила этого пустынного монастыря были строгими – в духе древнехристианских общежительных монастырей, по примеру которых иноки все делали своими руками. Последние исследования показали, что основатели обители ориентировались на традиции Северной Фиваиды и использовали уставы Кирилла Белозерского, Корнилия Комельского, Евфросина Псковского и других святых подвижников Русского Севера. Уставные положения сыграли большую роль в формировании высокого духовного уровня обители, и к концу XVIII века пустынь прославилась своим подвижничеством и традициями старчества. Таким образом, пу-

Из недельной своей порции хлеба батюшка Серафим часть уделял пустынным животным и птицам, которые были приласканы старцем, очень любили его и посещали место его молитвословий

стынь, благодаря своему удачному расположению и строгому уставу, располагала к свершению любых иноческих подвигов.

Надо полагать, что к этому времени батюшка Серафим был уже достаточно хорошо знаком как с многочисленными подвигами пер-

Преподобный Серафим питался одними овощами со своего огорода. Это были картофель, свекла, лук и трава, называемая сныть.

вых ревнителей христианской веры Египта, Палестины, Иерусалима, Сирии, читал их жизнеописания, беседы и проповеднические труды, так и с подвигами отечественных подвижников. Поэтому в 1794 году он попросил благословение настоятеля обители «на жизнь пустынную или отшельническую, в подражание древним пустынножителям». Позднее он часто говаривал: «Нам запрещают жить в пустыне; но первый наш отец, Иоанн Предтеча, был пустынный».

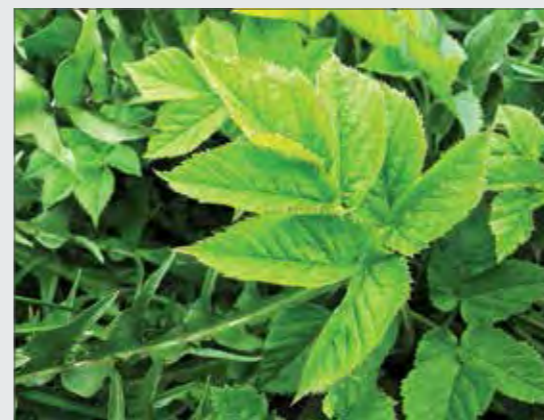
Удалившись в отдаленную келью, известную ныне как дальняя пустынька, старец с величайшей ревностью взялся за нравственное самосовершенствование, проводя все время в строгом посте, в трудах и молитве. «Душу же насыщал он чтением Священного Писания Ветхого и Нового Завета, Иоанна Лествичника, Василия Великого, Ефрема Сирина, Добротолюбия и творений прочих святых отцев».

Весьма примечательно, что в жизни 1841 года как раз говорится о том, кому преподобный Серафим Саровский стремился подражать в своих бесчисленных подвигах. Среди прославленных ревнителей христианской веры он особенно выделял Климента, папу Римского

(†101), Иоанна Златоустого (†407), Василия Великого (†379), Григория Богослова (†389), Афанасия Великого (†373), Кирилла Иерусалимского (†386), Епифания Кипрского (†403), Амвросия Медиоланского (†4 в.), «называя их столпами Церкви; часто приводил их в пример твердости и непоколебимости в вере».

Великий старец очень почитал и отечественных подвижников и, прежде всего, российских святителей Алексия (†1378), Иону (†1461), Филиппа (†1569), Димитрия Ростовского (†1709), преподобных Сергия Радонежского (†1392), Стефана Пермского (†1396) и других угодников Божиих, и их жизнь поставлял правилом на пути спасения. Можно сказать, что великий старец, хорошо усвоив весь опыт всемирных и отечественных подвижников православия, уверенно и осознанно обратился к приобретению собственного опыта молитвенных и постнических трудов.

Пребывая все будни в молитвенном уединении в дальней пустыньке, батюшка Серафим соединял с этим пост и строжайшее воздержание. По началу своего поселения в пустыни он питался хлебом, более всего черствым и сухим; хлеб обыкновенно он брал с собой по воскресеньям на

Батюшка Серафим в своей пустыньке ел траву сныть, восполнявшую в человеческом организме необходимые витамины

целую неделю. Есть сказание, что из этой недельной порции хлеба часть уделял он пустынным животным и птицам, которые были приласканы старцем, очень любили его и посещали место его молитвословий.

Он приходил в монастырь лишь накануне какого-либо праздника или воскресного дня, приобщался Святых Тайн на ранней литургии, принимал у себя в келье братию, давая им отеческие наставления, и вечером возвращался в пустыньку. Он имел обычай всегда приходиться в обитель на первую неделю Великого поста и ничего не вкушал до причащения Святых Тайн в субботу. Живя в пустыне, он был объят такой любовью к воздержанию, что просил у настоятеля благословения питаться одним картофелем и другими овощами, которые сам сажал у своей кельи. Братия, удивляясь, недоумевали, чем мог питаться старец во все это время, не только летом, но и зимою. Он же тщательно укрывал свои подвиги от воззрения людей. Некоторые из послушников обители хотели жить вместе с ним, но не могли понести пустынной жизни и великих его трудов и возвращались обратно в обитель.

Таким образом преподобный Серафим Саровский постоянно пребы-

вал в молитве и с ней «соединял пост и строжайшее воздержание», питался преимущественно черствым хлебом, который брал с собой из обители по воскресеньям, и продуктами собственного труда, делающие их, по примеру апостола Павла, своими руками. Личный опыт великого старца в деле духовного самосовершенствования впоследствии отразился в следующих его высказываниях: «Уединение, молитва, любовь и воздержание суть четырехсоставная колесница, возносящая дух на небо», или: «Истощай тело свое постом и бдением – и отразишь мучительный помысл сладострастия» и т. д.

Заслуживает особого внимания употребление им в пищу хорошо известного в народе дикорастущего растения сныти, богатого витаминами и восполнявшего в организме отсутствие необходимых для жизнедеятельности веществ. Он поступал так же, как и многие египетские отшельники, питавшиеся различ-